

Чувашия

ЕСТЬ у актеров фамилии звучные, словно специально созданные для мира театра. У него, тоже актера, она была самая простая — Алексеев. В чувашских городах и деревнях Алексеевых много. Один пахут землю, другие строят дома, третьи работают за станками. Попробуй узнай каждого в лицо. Его узнавали. Борис Алексеев был единственным...

Сорок театральных сезонов проработал он в Чувашском государственном академическом драматическом театре имени К. В. Иванова, ежедневно доказывая высокое звание артиста. Известный театровед Ф. А. Романова в книге «Борис Алексеев» приходит к выводу, что творчество Бориса Алексеева знаменовало целый период в истории развития национального театрального искусства. Завтра любимому нашему артисту исполнилось бы 70 лет...

Л. РОДИОНОВ,

заслуженный деятель
искусств Чувашской АССР,
народный артист
Чувашской АССР,
лауреат Государственной
премии РСФСР

ОН ВЫШЕЛ из глубины сцены, и зал замер... От походки, жестов, коренастой фигуры его повеяло таким знакомым и родным, что зрительный зал замер, а потом буквально взорвался радостью узнавания: Ленин! Вот уж и знаменитое шадринское «Уважаемый, где бы тут чайку мне?», а аплодисменты не стихают. Вспоминаются и многие другие подробности того февральского вечера 1947 года, когда в нашем театре шла премьера «Человека с ружьем». И большая часть воспоминаний связывается с Борисом Алексеевым, первым актером, создавшим на чувашской сцене образ В. И. Ленина.

Мне этот спектакль необычайно дорог. Наверное потому, что он долго вынашивался, долго был в работе и потребовал и от режиссера, и от актеров много сил и веры. С тех пор, как студентом ГИТИСа я увидел потрясающего Ленина-Шукина в театре Вахтангова, мысль самому поставить пьесу с образом вождя не давала мне покоя. В этом признаться-то кому-нибудь было страшно. И в мечту молодого режиссера долгие годы был посвящен только один человек — Борис Алексеевич Алексеев. Именно Алексеева я видел в роли Ленина и однажды признался ему в этом. Он сказал: «Тогда начнем работать». Видами на воде еще было написано, включают ли вообще когда-нибудь в репертуарный план Чувашского театра спектакль с образом Ленина, а тут была высказана такая уверенность.

Наверное, думаю я сейчас, Алексеев все-таки интуитивно чувствовал, не мог не чувствовать свою актерскую и гражданскую зрелость, необходимую для работы над образом Владимира Ильича.

Он перечитал гору литературы о Ленине, конспектировал его труды, собирал репродукции картин и фотографии с дорогим изображением, побывал в московских музеях и театрах, беседовал с лучшими исполнителями ролей В. И. Ленина. Конечно, этого требовала серьезность самой роли. Но сколько раз и потом и раньше я встречался с удивительной добросовестностью этого талантлившегося актера во всем, что касалось служения театру.

Творческий диапазон его был велик. Хлестаков и Яго, Балзминов и Перчихин, Старик и Аким, из чувашских пьес — Дружка и Тохтаман, Текей, Энтип и другие. Некоторые пьесы мы, режиссеры, ставили специально для этого самобытного национального актера. Многие он сыграл (жаль, не успела осуществиться его мечта сыграть царя Федора). Эти роли были этапными не только для Алексеева, но и для всего Чувашского театра, они вписались золотыми страницами в историю национального театрального искусства.

Я вспоминаю последние дни перед гастролями Чувашского театра в Москве 1974 года. Решали: брать ли «Власть тьмы». Какому режиссеру не лестно показать свою постановку на сцене МХАТа. И, казалось бы, я должен был отстаивать свое детище, а поступил наоборот.

Для меня Аким — это Алексеев, и я не в силах был изменить первому исполнителю Акима, хотя у него оказался хороший приемник.

Я его по-настоящему любил. Невысокий, с простыми чертами лица, то веселый, то задумчивый, в жизни он был, как все мы, и не лишен каких-то слабостей. Но вот он выходил на сцену — и совершалось чудо.

Е. ШОРНИКОВА,

народная артистка
Чувашской АССР

К НАМ в совпартшколу пришел артист. Все ахают и охают: Борис Алексеевич, Борис Алексеевич! Смотрю: по лестнице поднимается молодой человек моего возраста с тро-

НАШ КАЛЕНДАРЬ

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

сточкой. Почему-то запомнилась его лиловая рубашка и тубетейка.

Зашли в зал. Говорят, Борис Алексеевич будет записывать желающих в драмкружок. Я стою где-то сзади, стесняясь, а самой так хочется тоже подойти к столу и сказать: «Запиши Шорникову». Хорошо, что Митюкова — была у нас такая боевая девочка-комсомолочка — подтолкнула. И стала я два раза в неделю ходить на репетиции.

Это была первая встреча с Борисом Алексеевичем. Она произошла в 1931 году и благодаря обаянию этого человека разрушила все мои первоначальные жизненные планы. Сейчас я говорю: если бы не Алексеев, вряд ли состоялась бы артистка Шорникова. Ведь даже заявление в музыкально-театральный техникум я писала под его диктовку. Когда пришла работать в Чувашский театр, он мне сказал: «Правильно сделала. Хочешь, я буду звать тебя Елюк? Нет, лучше Елена?» Он мне имя всегда произносил на чувашский манер, с ударением на последнем слоге.

Я помню его разным. Однажды во время гастролей в Башкирии к нам шумно зашел председатель колхоза — дядя громадного роста, косяя сажень в плечах: «Кто тут Борис Алексеев? Я столько о нем слышал...» А наш Борис сидит где-то в уголке, съжившийся весь, неловкий, старательно дымит папиросой. Извинился гость, вполголоса сказал, что не таким представлял народного артиста СССР. Потом после спектакля опять зашел, долго жал Алексееву руку и все звал в гости. Много мы ездили по своей республике. И сейчас перед глазами картина: сидит Борис Алексеевич с деревенскими мужиками на почти отполированных бревнышках, толкует о жизни. Очень он был простой, доступный, располагающий.

Видела я и слезы Бориса Алексеева, не предназначенные для посторонних глаз. Зимой

ной его философии — заставлять людей страдать и радоваться страданию. До сих пор не пойму, как он уместил в своем герое столько разрушительной силы, страстной ненависти. От Старика-Алексеева распространялись настоящие парализующие токи. Даже в моменты, когда Девница оказывалась на сцене стоящей спиной к нему, она чувствовала его вонзающий взгляд, его безграничную власть над ней, над окружающими. Она заржалась состоянием Старика и чем-то становилась на него похожей.

Все продумано до деталей — жесты, походка, взгляд, интонация, реакция на данную ситуацию, психологическое развитие образа. Ничего лишнего. Так было и с другими ролями. А со стороны смотрели и говорили: «Как легко актер работает на сцене». Меня эта легкость тоже завораживала. Алексеев работал радостно.

Для всех забываем Дружка-Алексеев в спектакле «Нарспи». Эту всего лишь эпизодическую роль Борис Алексеев довел до классического совершенства. Сцена свадьбы в «Нарспи» — спектакль в спектакле, в котором Дружке отведена главная роль.

Борис Алексеев был талантливым и в маленьких, и в больших ролях. Он мог играть в ярко комедийных спектаклях, мог в трагедийных. Полярность была характерна для его творчества. Он привлекал неоднородностью, почти детской застенчивостью, обаянием, естественностью. Он был личностью — человеком с интересной биографией, интересными мыслями и активной жизнью. Причем такое мнение о нем сложилось у меня не в сию минуту («большое видится на расстоянии»), а еще при жизни Алексеева.

Учиться у Бориса Алексеева можно многому. Например, тщательной подготовке к спектаклю: за полтора часа до начала он в театре (мы сейчас это забываем). Завидно принципиальны были его некоторые выступления на собраниях. Алексеева всегда видели с книгой в руках.

В день смерти — как выяснилось потом, тяжело больной — он пришел в театр («Платить партийные взносы»). Мы столкнулись на лестнице, перебросились парой фраз. Через несколько часов Бориса Алексеевича не стало. Но чувство у меня осталось такое, что в сумраке и вечной суете театральных кулис вот-вот мелькнет знакомая, немного сутуловатая фигура, послышится знакомый заразительный смех...

1942 года мы ставили спектакля в Яльчикском районе. Борис Алексеевич был ответственным за питание, квартиры, подводы для артистов, делая все, чтобы спектакли состоялись. Вдруг нас вызвали в Канаш, куда прибыли раненые. Первое, что мы увидели, войдя в госпиталь, — передвигается по коридору человек: ног нет, одна рука в гипсе. Быстро стали готовиться к концерту. Мы с Борисом должны были вместе выступить, он забился в уголок и не может унять рыдания. После не раз говорил: «Как нужно сейчас людям наше искусство!» Его оставили «по брони». Мне кажется, он часто видел себя на фронте, терзался мыслью, что не воюет рядом с товарищами, призванными с самого начала Отечественной войны. Я помню, как он добровольцем ушел на финскую. 29 декабря 1939 года сыграл на сцене Павку Корчагина, а на другой день уехал в действующую армию.

Так правдивость Бориса Алексеева в жизни оборачивалась его правдивостью на сцене. По-моему, многое в Алексеева-актере было от Алексеева-человека.

В. КУЗЬМИНА,

народная артистка СССР

МНЕ посчастливилось много раз быть его партнершей на сцене. Фраза эта, может быть, и затасканная, но лучше чем «посчастливилось» не скажешь. Играть с Борисом Алексеевичем было интересно и немного страшновато. Поэтому во время работы над новыми ролями я искала общения с ним не только на репетициях. Неловкость чувствую, что мешаю человеку, а подойду: «Пройдем сцену еще раз?» Не помню случая, чтобы он отказался, хотя лично ему лишняя прогон вряд ли был нужен.

Почему-то запал в душу «Старик» Горького. Борис Алексеевич — Старик, а я — Девница, современница страш-